
И. И. БАРИНОВ

**ИРРЕДЕНТИЗМ И ТРАНСФОРМАЦИЯ
ИМПЕРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:
ОСТЗЕЙСКИЙ КРАЙ В СОБЫТИЯХ 1917 Г.***

В статье проанализировано влияние предреволюционного развития и революционных событий 1917 г. на резкое обострение межнациональных отношений в России и на формирование различных этнокультурных идентичностей. В частности, выявлены и исследованы основные особенности положения Остзейского края в составе Российской империи и взаимоотношений балтийских губерний с центральным правительством; на этом примере рассмотрены процессы постепенного усиления этнополитической конфликтности. Показаны причины того, что предпринятые в Российской империи реформы, нацеленные на вовлечение края в общеимперское пространство, не принесли желаемого результата. Отдельные мероприятия по русификации Балтики вызвали протест части балтийско-немецкого сообщества, усиливая его тяготение к Германии. Усилению этих тенденций в значительной мере способствовали революционные события 1905–1907-х, а затем и 1917 г. На этом фоне автором поднимается и обсуждается вопрос о существовании балтийско-немецкого ирредентизма и вероятных путях его реализации.

Ключевые слова: этнополитические процессы, межэтнические отношения, идентичность, ирредентизм, Остзейский край, балтийские немцы, русификация, Первая мировая война, революция 1917 г.

Вопрос об этнополитических процессах в бывшем Остзейском крае и о существовании балтийско-немецкого ирредентизма представляет интерес не только с исторической точки зрения. Учитывая, что межэтнические отношения на Балтике всегда были непростыми, преодоление определенного негативного наследия в наши

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 15-18-00021 «Регулирование межнациональных отношений и этносоциальных конфликтов в современном мире: потенциал гражданской идентичности (сравнительный политический анализ)») в Национальном исследовательском институте мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН).

дни является важной частью гуманитарного сотрудничества между странами Балтии и другими государствами Европейского союза, прежде всего ФРГ. Что касается современной России, то для нее весьма важным является исторический урок, состоящий в том, что насильственная русификация того или иного региона и недостаточное внимание к интересам представителей местных нерусских этнокультурных сообществ в условиях социально-политического кризиса может обернуться обострением межнациональных отношений.

К началу революционных событий 1917 г. в Российской империи накопилось множество нерешенных общественных проблем. Среди них выделялись сюжеты, связанные с национальным вопросом. Наряду с традиционно непростыми взаимоотношениями имперской власти и поляков на передний план выдвигалось положение еврейского сообщества. На фоне многолетних безуспешных попыток соотнести интересы наций и интересы империи ситуация быстро и неожиданно разрешилась во время Первой мировой войны. Значительная часть исторического ареала проживания польского населения оказалась занята австро-германскими войсками, а поток беженцев и депортированных лиц еврейского происхождения способствовал финальной ликвидации черты оседлости сразу после победы Февральской революции.

Менее известным, но оттого не менее важным оставался остзейский вопрос. Немецкое население, традиционно составлявшее элиту балтийских провинций России, в условиях войны с Германией оказалось в сложном положении. С одной стороны, представители этой элиты до конца сохраняли лояльность правящей династии, с другой – правительственные мероприятия по русификации Балтики, равно как и нараставшее напряжение во взаимоотношениях с местным немецким населением, усилило у части балтийско-немецкого сообщества тяготение к Германии. Тем не менее в условиях революции остзейские немцы так и не смогли, в отличие от эстонцев и латышей, сформировать национальную идею и государственно-политическую стратегию. Это было связано в первую очередь с дискуссиями внутри самого немецкого сообщества о том, является ли оно сословной корпорацией, национальным меньшинством или частью большой немецкой нации.

Хотя остзейцы в массе своей воспринимали происходившие изменения достаточно пассивно, их не могло не волновать будущее края. По мере ослабления российского государства в результате политических кризисов 1917 г. ориентация на Германию в балтийско-немецком обществе усиливалась. Вопрос о том, насколько эти настроения можно характеризовать как проявление ирредентизма и существовала ли возможность реализовать эту стратегию в интересах местных немцев, является предметом настоящей статьи.

Остзейский край в составе Российской империи

Особое положение балтийских губерний, составлявших Остзейский край Российской империи, определялось достаточно своеобразной предысторией. По словам русского правоведа Петра Беляева, реализации «идеи государства» и нормальной имплементации общеимперского законодательства на территории Остзейского края мешал двойной юридический барьер, где *jus speciale* (сословное, городское и иное право) сочеталось с *jus particulare* (то есть правом, действовавшим в конкретном регионе). Общим местом для всех трех балтийских губерний было преобладание норм местного права над общегосударственными узаконениями. Как указывает автор, со времен Средневековья часто сменявшиеся «властители края» по политическим соображениям постоянно даровали местным жителям привилегии, и в конечном итоге у тех сложилось впечатление, что данные им привилегии превалируют над законами того государства, в котором они оказывались (Беляев 1898: 3–6).

Эта традиция продолжилась и после вхождения Эстляндии и Лифляндии (а позже и Курляндии) в состав России. Император Петр I и все его преемники до Александра II включительно, восходя на престол, подтверждали остзейские привилегии и пролонгировали их действие. Тем не менее, если в XVIII в. подобная феодальная модель взаимоотношений между центром и периферией еще была жизнеспособна, то по мере «национализации» Российской империи и ее выхода из домодерного состояния эта модель переставала работать. Завершенная при Александре II кодификация остзейского законодательства и общая унификация и модернизация госаппарата, снимавшие препоны на пути к современному государ-

ству, предопределили серьезные трения между имперской властью и балтийскими немцами.

Как представляется, в основе нарождавшегося конфликта лежало принципиально разное понимание правового положения Остзейского края в Петербурге и на местах. Так, с точки зрения балтийской аристократии местное право выступало в роли *jus generale*, тогда как общеимперское играло роль *jus singulare* и должно было применяться лишь тогда, когда существовал пробел в местном законодательстве (Беляев 1898: 19). В этом смысле попытки центральной власти распространить на Остзейский край общерусские законы рассматривались как посягательство на ранее гарантированные права. Именно исходя из этого балтийский правовед Карл Эрдман подчеркивал, что любой общеимперский закон, касавшийся Остзейского края, автоматически становился из общеимперского местным – в противном случае необходимо было его особое издание со спецификацией для балтийских провинций (Там же: 21). В Петербурге же рассматривали ситуацию с точностью до наоборот, при этом первоначально власть все же стремилась найти некую «золотую середину между унификацией и локальной спецификой» (Долбилев 2010: 62).

Возникает вопрос, почему такой подход не нашел отклика в балтийских провинциях. Ответ на него кроется в особенностях местной правовой традиции. Так, в представлении местных дворянских элит Эстляндия и Лифляндия после капитуляции Швеции сделались самостоятельными субъектами международного права и заключили с Россией своего рода межгосударственные договора (Беляев 1898: 17–18). Таким образом, взаимоотношения Остзейского края и России рассматривались частью балтийской элиты скорее как некая форма унии. На самом деле ни Швеция, ни Россия не рассматривали балтийские провинции как самостоятельный субъект права, и в обоих случаях соответствующие пожалования были актами одностороннего изъявления монаршей милости. На этот случай у остзейцев был еще один аргумент. Ссылаясь на статью 79 Основных законов империи, балтийские правоведы указывали, что законы, изданные для какой-либо губернии или какого-либо рода людей, не отменяются новым общим законом, если в нем не содержится прямого указания на их отмену (Там же: 16). Учитывая,

что только на кодификацию местного законодательства ушло без малого 150 лет, полный пересмотр местного корпуса законов, полного средневековых реликтов и заимствований из самых разных европейских правовых систем, представлялся изначально непосильной задачей. В результате правительству долгое время приходилось мириться с фактической административно-правовой автономией Остзейского края.

Балтийские немцы: особенности самопозиционирования

Хотя среди высших чиновников Российской империи было немало выходцев из балтийско-немецких семей, из-за своей замкнутости балтийские немцы до определенного момента были плохо известны в русском обществе. В ходе дискуссий о будущем Остзейского края с подачи авторов-государственников в общественный лексикон вошел термин «немечество». Это расплывчатое обозначение, очевидно, являлось дословным переводом немецкого слова *Deutschtum* (сочетание этнического происхождения и культурного наследия, сохранявшихся в немецкой среде) и в русском языке имело скорее негативный оттенок, апеллируя к высокомерию и несговорчивости немцев.

Данное понятие значительно упрощало действительность, которая была гораздо сложнее. По справедливому замечанию немецкой исследовательницы Аннелоры Энгель-Брауншмидт, отдельной остзейской «нации» не существовало, «какими бы самостоятельными остзейцы с их специфическим общественным устройством себя ни считали». Этому способствовала в первую очередь его корпоративная структура. В балтийских губерниях существовали замкнутые сообщества дворян, литераторов (людей, занятых интеллектуальным трудом), купцов и бюргеров, причем социальную пропасть в данном случае преодолеть было сложнее, чем этническую. Как указывает автор, долгое время местные немцы соотносили себя с родной провинцией, называясь соответственно лифляндцами, эстляндцами или курляндцами (Энгель-Брауншмидт 2011: 320–322).

В каком-то смысле и эта характеристика является упрощением. Так, дворянам был свойственен средневековый партикуляризм. Это выражалось в том, что они были патриотами своей «малой роди-

ны», нередко добавляя к родовым фамилиям названия своих имений или прозвища. Именно здесь можно было видеть несоответствие официальной имперской географии балтийским ментальным картам. Так, Илукстский уезд Курляндской губернии неофициально именовался «герцогством Энгельгардтским» по имени известной аристократической семьи, члены которой были в этом регионе полновластными хозяевами. В свою очередь, представители торговых династий или потомственные интеллектуалы могли ассоциировать себя с конкретным городом, а не со всей провинцией.

Вместе с тем в Остзейском крае все же существовал интегрирующий нарратив, в центре которого находилось понятие «балтийская родина» (*baltische Heimat*). Согласно этому нарративу, балтийские немцы вообразились как некое единое сообщество наследников германской колонизации. При этом изначальная колониационная интенция могла уже давно исчезнуть, и речь шла скорее о сохранении немецкого культурного и духовного наследия края. Следует подчеркнуть, что лояльность российскому престолу здесь присутствовала по умолчанию – могла меняться лишь степень «немецкости» отдельно взятого человека. Это подразумевало прежде всего его соотнесение себя с культурными традициями Остзейского края и его заботами.

Существуя фактически как автономное сообщество, балтийские немцы стремились сохранить не только собственные язык и религию, но и образовательную систему. Это ярко отразилось в школьных программах немецких средних учебных заведений края, в частности в знаменитой гимназии в Биркенру (совр. Берзауне). Так, по состоянию на 1885/1886 учебный год, время, когда уже начиналась форсированная русификация Александра III, до 5 класса русская история не преподавалась в принципе. Основной упор делался на античную историю, средневековую и новую историю Европы. На курс русской истории от Рюрика до Александра II отводилось в зависимости от класса 1–2 часа в неделю, тогда как на всеобщую историю закладывалось втрое больше времени (*Jahresbericht... 1886: 23–29*).

Примечательно, что именно этот перекоп в сторону европейской истории со школьной скамьи способствовал утверждению в сознании остзейца представления о Священной Римской империи.

По европейской традиции главным признаком имперского государства была религиозно-идеологическая составляющая, а само оно представляло конгломерат владений христианских государей. Российская империя, таким образом, воспринималась на Балтике как некое наднациональное государство, форма династического федерализма (Андреева 2008: 26). Не способствовала пониманию России и школьная программа по географии. Так, занятия в первом классе были полностью посвящены краеведению трех балтийских губерний. В третьем и четвертом классах проходили внеевропейские части света, в остальном же изучалась практически исключительно Европа. Любопытно, что сюда же относилась европейская часть России, тогда как ее азиатская часть изучалась в отдельном курсе по Азии (Jahresbericht... 1886: 23–31). Неудивительно, что для балтийских немцев обозначения «империя» и «Россия» не были тождественны. «Россия» рассматривалась просто как одна из составных частей наряду с «Кавказом», «Уралом» и «Сибирью» и связывалась скорее с ее великорусским ядром.

Российское правительство, однако, волновала вероятность не только политических и культурных, но и социальных осложнений в балтийских губерниях. Отмена крепостного права, произошедшая там почти на полвека раньше, чем в остальной империи, привела к увеличению мобильности местного эстонского и латышского населения. Вместе с тем, как это впоследствии произошло и в России, земельный фонд по большей части продолжали контролировать помещики – в данном случае немецкие (Энгель-Брауншмидт 2011: 321). При этом, чтобы оказаться на грани социальной катастрофы, маленькому Остзейскому краю понадобилось вдвое меньше времени. Произошедшему в 1840-х гг. массовому переходу безземельных и малоземельных крестьян в православие в значительной мере способствовал слух о предоставлении новообращенным земли во внутренних губерниях. Для Петербурга это был настоящий шанс, чтобы утвердить свое превосходство, однако тогда власти побоялись ломать весь существовавший в Остзейском крае порядок и сохранили свою ставку на немецкий элемент. Тем не менее было ясно, что в спорах о национальных приоритетах на Балтике не считаться с мнением коренного населения уже не представлялось возможным (Назарова 2005: 271–272). Из-за этого правительственная

политика вынужденно проводилась сразу по множеству направлений.

Балтийские губернии в эпоху реформ

Вопрос о назревших переменах в Остзейском крае встал в период реформ Александра II. Для Александра, как, впрочем, и для его отца, первоочередным был вопрос государственной стабильности, и начать сложное дело модернизации сословных и экономических отношений в Остзейском крае следовало без коренной ломки местных порядков. С другой стороны, правительством двигали и иные причины, такие как обеспечение интересов русских предпринимателей на Балтике и недопущение социального дисбаланса в условиях роста национального самосознания коренного населения региона. Таким образом, пореформенному периоду суждено было стать временем экспериментов власти в области национальной политики.

Рассматривая происходившее в это же время развитие национального движения на восточной окраине Австро-Венгрии, канадский историк Джон-Пол Химка употребил метафоричное выражение «полет Икара практически во все стороны». У историков оно стало своего рода термином для обозначения нелинейности происходящих в обществе процессов. Так было и в случае с западными окраинами Российской империи. Нельзя сказать, что правительство сразу начало утверждать там «русскую линию». Локальная специфика каждый раз требовала менять подход. Так, в Северо-Западном крае осуществлялись попытки позитивной дискриминации польских народов с целью ослабления традиционного польского влияния и формирования гибридных идентичностей. В частности, высказывалась идея артикулировать независимую от Польши историческую память о Великом княжестве Литовском и изначальном родстве дворян с простонародьем (Долбилов 2010: 187). Однако на Балтике эта схема не работала, так как немцы считали себя единственными культуртрегерами края. Из-за этого правительству пришлось изначально ориентироваться на стратегии, связанные с продвижением русской культуры – языка, школы и религии. Именно вокруг этих инструментов идентичности впоследствии начал

развиваться конфликт между балтийскими элитами и имперскими властями.

Следует отметить, что глубоко корпоративному сознанию балтийских немцев было трудно воспринять тот факт, что модернизационные стратегии самодержавия могли предполагать частичную, инструментальную русификацию. Как показывала практика, даже при постепенном размывании строгих границ немецких корпораций вхождение в них подразумевало глубокую аккультурацию с вероятной последующей ассимиляцией. В случае с русификацией стимул к изучению русского языка мог быть следствием целого ряда причин – от желания сменить конкурентную среду до стремления сделать карьеру в армии или государственных органах (Миллер 2008: 62–64). В качестве яркого примера здесь можно назвать Йозефа Леесмана и Антса Лайкмаа, выходцев из эстонских крестьянских семей. Так, Леесман впоследствии стал крупнейшим рыбным фабрикантом в Эстляндии и поставщиком двора, а Лайкмаа – выдающимся художником, основателем первого эстонского художественного общества. Либеральные реформы на территории Остзейского края таким образом открывали немцам дорогу в высшие учебные заведения и крупный бизнес, литературные салоны и художественные галереи, то есть сферы, изначально считавшиеся исключительно немецкими.

Другая стратегия той поры допускала формирование местных регионализмов под имперским патронажем. В 1860-х гг. один из лидеров младолатышского движения Кришьянис Вальдемарс писал, что такая практика могла бы создать условия для гармоничного развития латышской нации (Назарова 2005: 281). Эта идея сохранялась вплоть до начала правления Александра III: еще в 1885 г. журналист государственнической направленности Михаил Куплетский отмечал, что стремление коренного населения Остзейского края «к национальной самостоятельности в соединении и союзе с Россией» должно приветствоваться (Куплетский 1885: 4–7). В этом смысле два процесса – продвижение русского языка и стремление к нему представителей коренного населения – шли навстречу друг другу. Примечательно, что это не мешало эстонцам и латышам, столетиями жившим бок о бок с немцами, заимствовать элементы их общественной организации, в частности, создавать сельскохо-

зяйственные кооперативы, студенческие корпорации и благотворительные общества.

Не оставались в стороне и сами немцы. Если часть дворянства встретила реформы негативно, то буржуазия приветствовала их (Андреева 2015: 100–101). Молодые специалисты (прежде всего выпускники Рижского Политехникума), предприниматели и домашние учителя точно так же отправлялись «в Россию», чтобы сделать состояние или карьеру. Студенты-немцы устраивались на лето гувернерами в русские семьи (на Балтике, в свою очередь, детям нанимали русского преподавателя). Усиление контактов Остзейского края с остальной страной способствовало постепенному формированию новой, «имперско-немецкой» идентичности. В этом случае балтийский немец глубоко интегрировался в общеимперское пространство, а его «балтийскость» вытеснялась в сферу частного.

Наряду с этим при дворе продолжало действовать серьезное остзейское лобби, способное отсрочить принятие нежеланного закона или закрыть газету на латышском языке. В этой связи едва ли можно было говорить о каком-то ущемлении прав немцев Остзейского края на первоначальном этапе русификации. Неудивительно, что антиправительственно настроенные балтийские консерваторы оказывались в меньшинстве, и первая волна политической эмиграции осталась практически незамеченной.

Русификация как объединяющий миф балтийских немцев

Ситуация начала ощутимо меняться по мере восприятия властью националистического дискурса. Этому способствовали как внутренние (польское восстание 1863 г.), так и внешние (образование Германской империи в 1871 г.) факторы. Наряду с либеральными реформами в это время в России стартовала серьезная общественная дискуссия, касавшаяся расширения «ядра» империи на запад и юго-запад и рассмотрения этих территорий как резервуара для сохранения и стабилизации государства (Горизонтов 2001: 129–135). Хотя Остзейский край выпадал из фокуса внимания русских националистов, немцы с их развитой высокой культурой и сильными элитными группами формировали «альтернативный проект ассимиляторской экспансии», из-за чего соперничество между

условно русской и условно немецкой моделями развития балтийских провинций впоследствии стало особенно острым (Миллер 2008: 60, 66).

Правительственные меры, предпринятые императором Александром III, по сути были нацелены на ликвидацию любых барьеров между балтийскими губерниями и остальной Россией. Важным символическим актом было то, что новый император первым из русских монархов демонстративно отказался подтверждать балтийские привилегии. В течение 1880-х гг. на Балтике шел демонтаж старых судебных и полицейских структур, ликвидировались старые органы самоуправления, закрывались школы с немецким языком преподавания (хотя впоследствии они продолжили существовать полулегально). Во всех высших учебных заведениях края был введен русский язык преподавания (Wittram 1973: 218–220).

К этому добавилось нагнетание атмосферы вокруг ситуации с Остзейским краем в обществе. Если при Александре II две линии – общественная и правительственная – строились независимо и далеко не всегда сочетались, то при его преемнике настроения поздних славянофилов совпали с общей направленностью государственной политики. Таким образом, власть вольно или невольно солидаризировалась с высказываниями и идеями радикальных консерваторов наподобие Никиты Гилярова-Платонова, предлагавшего вовсе ликвидировать балтийские губернии (Андреева 2008: 70). В результате «вероломства» Александра III образ российского государства в сознании балтийских немцев раскололся (Энгель-Брауншмидт 2011: 328). С одной стороны, оно представало в облике блестящей империи, где можно было реализовать свои амбиции. Тем не менее эта империя имела и оборотную сторону – давящей бюрократии, безразличной, даже нетерпимой к особенностям и нуждам Балтики. Неслучайно, что корыстолюбивый и некомпетентный *Tschinownik* и необразованный православный священник стали двумя яркими образами, воплощавшими мероприятия по русификации в глазах остзейцев (Wittram 1973: 222).

Что касалось ненемецкого населения, то оно, вопреки представлениям, господствовавшим в немецком сообществе, не получило в ходе новой волны русификации каких-либо преимуществ, скорее даже наоборот. Идея о патронированных государством регио-

нализмах осталась в прошлом. Равно как и в немецких, в эстонских и латышских школах образование было переведено на русский язык; на места присылались чиновники из внутренних губерний, не владевшие местными языками и не разбиравшиеся в особенностях региона. Как следствие, эстонцам и латышам приходилось самим выбирать стратегии будущего. Они могли различаться, однако общим местом была заметная политизация, причем она могла идти как по национальному, так и по революционно-социалистическому пути. Недаром именно из того поколения, которое правительство стремилось глубоко русифицировать, вышли либо национально ориентированные балтийские политики и военные межвоенного периода, либо те, кто поверил в революцию (как знаменитые красные генералы – эстонец Август Корк и латыш Иоаким Вацетис). Пребывание на государственной или военной службе, как и вообще в русскоязычном пространстве, здесь уже не играло роли.

Разумеется, оба эти сценария не устраивали ни немецкие элиты, ни имперское правительство. При этом если активность эстонцев и латышей со временем побудила Петербург к размышлениям об их дальнейшей, более глубокой русификации, то с точки зрения балтийских немцев данная активность была не чем иным, как спланированной акцией правительства по размыванию немецких порядков на Балтике. Консервативно настроенные представители балтийских элит усматривали руку властей даже в содействии революционному движению среди латышей и эстонцев.

Позиция власти, озвучиваемая через официозные публикации, действительно оказывала медвежью услугу и ей, и ненемецкому населению Остзейского края. Как отмечалось в печати, православие появилось на Балтике «по зову угнетенных немечеством латышей и эстов» как вера «царя и старших русских братьев», став «предвозвестником Великой России, культурно освобождающей и укрепляющей народы» (Православие... 1911: 21). В этом смысле неудивительно, что немцы отказывались видеть в изучении русского языка обоюдный инструментализм правительства и коренных народов, а в переходе в православие – форму социального протеста эстонских и латышских крестьян. Подобный подход лишь упрочил в сознании немецких элит представление о континуитете правительственной политики по отношению к Остзейскому краю начи-

ная с 1840-х гг. Это затем привело к идеологизации якобы изначально антинемецкого настроения имперских властей (Андреева 2008: 41). На этом фоне среди балтийских немцев возникло определенное отчуждение от российского государства, которое теперь ассоциировалось только с фигурой монарха (Wittram 1973: 223).

Данный нарратив получил осязаемый стимул к развитию в ходе Первой русской революции 1905–1907 гг., когда глубокий социальный кризис, особенно осязаемый в сельской местности, вылился в открытое насилие в отношении немцев, в первую очередь землевладельцев. Эти события обозначили серьезные подвижки в мировоззрении и самоидентификации балтийских немцев. Как вспоминал Карл Мантейфель фон Катцданген, крупный курляндский помещик и общественный деятель, именно «пережитые несчастья» вернули балтийцам их самосознание, обозначили их подлинное единство и подтвердили убеждение, что они «находятся на своем форпосте не для мира, но для борьбы» (Manteuffel 1942: 13). Стремление сохранить собственную этнокультурную индивидуальность привело к появлению нового самоназвания – *Balte* («балтиец», «прибалт»), которое затем полностью заменило прежнюю самоидентификацию по провинции или месту рождения. Примечательно, что данное обозначение, привычное в СССР и на постсоветском пространстве в качестве именовании эстонцев и латышей, первоначально полностью исключало их, относясь только к немцам (Wittram 1973: 224–225).

С этим поворотом в сознании остзейцев связан определенный парадокс. С одной стороны, они отказывались признать кризис существующей модели взаимоотношений в крае и стремились видеть в событиях 1905–1907 гг. исключительно межнациональные, а не социальные причины. Таким образом, продолжая отстаивать корпоративно-сословную модель внутреннего устройства балтийских губерний, местные немцы высказывались и действовали уже как национальное меньшинство. Симптоматично, что в ходе революционных событий в Лейпциге был опубликован сборник статей под названием «Мы, балтийцы!» (впоследствии оно стало популярным слоганом). Как следует из его содержания, остзейцы, несмотря на свою верность трону, стали жертвой русификаторской политики властей и вынуждены бороться за свое существование во враждеб-

ном окружении. Предстоявшие аграрные и приходские реформы и вовсе воспринимались в консервативной среде как губительные для балтийско-немецкого сообщества (Manteuffel 1942: 60).

С другой стороны, популярность набирал другой дискурс, из которого следовало, что немцы балтийских губерний являются интегральной частью немецкой нации. Эта трактовка стала официальной позднее, уже в 1930-е гг. В это время Райнхард Виттрам, один из наиболее уважаемых немецких историков балтийского происхождения, продвигал теорию о том, что история остзейских немцев – это «история нации», а не «история территории их проживания» (Wittram 1939: iii). Это следовало даже из самого названия его труда, в котором имелась в виду «история немцев балтийского региона», а не «балтийских немцев». Виттрам, однако, лишь придал академическую форму расхожим идеям более раннего времени. Еще за 30 лет до выхода его работы один из идеологов балтийских консерваторов, влиятельный рижский публицист Эрнст Серафим писал, что вся история балтийцев «является не изолированной и самодовлеющей, а в своих добродетелях, как и в ошибках, немецкой», и ее суть можно было понять «только исходя из экономических и религиозных устремлений немцев» (Seraphim 1908: 1). Эта же мысль активно озвучивалась балтийскими авторами в годы Первой мировой войны (Engelhardt 1916: 241–244).

Без специального исследования трудно судить, насколько этот весьма своеобразный ирредентизм находил отклик среди немцев Остзейского края. Неясно также, можно ли здесь вообще говорить о какой-то форме ирреденты из-за отсутствия ясной классификации остзейцев как отдельной нации или этнографической группы немцев. В любом случае высказывание Мантейфеля о том, что все балтийцы были ориентированы на Германию, представляется явным преувеличением (Manteuffel 1942: 15). В частности, офицеры русской императорской армии балтийско-немецкого происхождения оставались верны присяге вплоть до конца существования Российской империи (Андреева 2008: 236).

Более вероятным представляется то, что среди части немецкого населения балтийских губерний имело место некое тяготение к Германии, по своей сути эмоциональное и не имевшее четкой программы действий. Напуганные событиями 1905–1907 гг. и раздра-

женные новыми попытками имперского правительства реформировать балтийские порядки, остзейские консерваторы (в частности, лифляндский ландрат Михаил фон Сиверс) установили прямые связи с германским МИДом. В своих меморандумах они стремились убедить правительство Германии, что единственным способом сохранить сообщество балтийских немцев является аннексия Остзейского края с последующим вытеснением либо германизацией латышей и эстонцев (Андреева 2008: 100). Примечательно, что в самой Германии о положении Остзейского края долгое время ничего не знали. О ситуации на Балтике, правда, докладывали германскому канцлеру Отто фон Бисмарку, однако он воспринимал происходящее достаточно холодно, считая, что остзейцы, как и другие немцы, оказавшиеся за пределами Германии, потеряны для нее (Машкин 2007: 79–81).

Эти настроения не сильно изменились и десятилетия спустя. Несмотря на более успешную деятельность второй (постбисмарковской) волны остзейской политической эмиграции и наличие у самого кайзера Вильгельма советников из числа остзейских интеллектуалов, германское правительство после длительных размышлений отказалось от поддержки их инициатив (Андреева 2008: 87–92). В первую очередь это было продиктовано прагматическими соображениями: в Германии существовало небезосновательное опасение, что в результате вмешательства во внутрироссийские дела балтийские губернии превратятся в источник постоянной нестабильности (Она же 2015: 104). Кроме того, в Берлине понимали, что консерваторы, продвигавшие упомянутые аннексионистские планы, не являются выразителями настроений всего балтийско-немецкого сообщества, а демонстративная ориентация на Германию по сути была такой же формой общественного протеста против политики имперских властей, как и переход в православие для эстонцев и латышей.

Остзейский край во время революции и после нее

Общая ситуация в балтийских губерниях серьезно обострилась с началом Первой мировой войны. После череды военных поражений русской армии при активном участии средств массовой информации в обществе стремительно распространился образ бал-

тийского немца как «внутреннего врага». На этом фоне был запрещен ряд элементов немецкой общественной жизни, вплоть до использования немецкого языка в публичном пространстве. Затягивание процесса реформ в условиях общей дисфункции государственного аппарата империи вызывало недовольство эстонского и латышского сообществ. Межнациональные отношения в Остзейском крае, особенно после оккупации германскими войсками его части осенью 1915 г., накалились до предела.

В том же 1915 г. в Берлине вышла брошюра балтийского интеллектуала Макса Бёма с говорящим названием «Кризис балтийского немца». По мысли автора, текущие события грандиозного масштаба должны были решить судьбу Остзейского края и наконец поставить точку в неразрешимой дискуссии о содержательном наполнении термина «балтийский немец» (Boehm 1915). Действительно, вопрос о том, являлись ли остзейцы сословной корпорацией, отдельной нацией либо этнографической группой немцев, зависел от политических предпочтений отдельно взятого человека. Двухсотлетнее нахождение в составе Российской империи, несмотря на общую закрытость балтийских губерний, не прошло для них бесследно. Наряду с «общебалтийской» оно породило у местных немцев целый спектр смешанных идентичностей. По иронии судьбы едва ли не единственным сплачивающим фактором, способным объединить верного присяге офицера из Ревеля и критически настроенного к власти лифляндского помещика, выступала их лояльность русскому престолу.

В этом смысле неудивительно, что балтийские немцы в массе своей оказались аутсайдерами в ходе событий 1917 г. Династия, которой они были верны, оказалась свергнута, однако российское государство продолжало существовать. Внутри национальных меньшинств свою долю симпатий получали как социалисты, так и националисты. Ни тот ни другой путь балтийским немцам не подходил: если первый скорее отвергался, то во втором случае происходил возврат к старой дискуссии о самоидентификации. Как ни странно, окончательно перешагнуть этот рубеж остзейцам позволила Октябрьская революция. Балтика прочно ассоциировалась в их сознании с империей, которая перестала существовать. Вместе с принципиальным неприятием большевизма в текущих условиях у них оставался только один ориентир – Германия.

К моменту заключения Брестского мира (3 марта 1918 г.) германские войска уже оккупировали всю территорию исторического Остзейского края. Как отмечает Георг фон Раух, немецкий историк балтийского происхождения, точного целеполагания оккупационной политики не было – существовали лишь противоречивые наметки (Rauch 1970: 48). Немцев заботило выполнение актуальных военных задач, и контроль над бывшей русской Балтикой связывался прежде всего с тем, какие вероятные преимущества может получить Германия. В этом смысле германскую сторону меньше всего интересовали политические устремления балтийской диаспоры, не говоря уже о требованиях ненемецкого населения. Эстонцы и латыши достаточно быстро поняли это и за редким исключением перешли в оппозицию к оккупационным властям (*Ibid.*: 49). Балтийские немцы, в свою очередь, могли предложить Берлину ту же форму взаимоотношений, что была и прежде, – своеобразную унию с элементами автономии. Именно этот сценарий и был реализован в апреле 1918 г., когда объединенный совет балтийских провинций объявил о создании на их территории Балтийского герцогства. Тогда же были провозглашены формальное отделение от России и переход к персональной унии с Пруссией.

Стоит отметить, что Балтийское герцогство не было чем-то уникальным – подобные явления в целом были характерны для бывших территорий Российской империи, оказавшихся под германским контролем. По сути формирование подобных структур власти, неизменно вспомогательных по отношению к военной администрации, было оформлением региональных особенностей, облегчавших немцам процесс их узнавания. Подобные образования могли быть более или менее самостоятельными, как Украинская держава и Королевство Польское, при этом интерес к их будущему со стороны Австро-Венгрии, союзницы Германии, давал им, как ни парадоксально, большое пространство для политического маневра. На Балтике же, в зоне исключительно германского присутствия, государственность могла носить лишь рамочный характер, как в случае с королевствами Литвы и Финляндии, так и не дождавшись своих правителей из числа германских принцев.

К последней группе относилось и Балтийское герцогство. Если его возникновение в представлении остзейских консерваторов, иг-

равших главные роли в регентском совете, в какой-то степени было реализацией их устремлений, то для германского командования, обладавшего на Балтике реальной властью, это была только форма местного самоуправления. Симптоматично, что признание герцогства со стороны Берлина и формальная передача власти в руки гражданской администрации произошли в конце сентября – начале октября 1918 г., когда военное поражение Германии уже было очевидным. В конце ноября 1918 г. были провозглашены национальные правительства Эстонии и Латвии, ориентировавшиеся на Антанту, и история Балтийского герцогства закончилась, не успев начаться.

Таким образом, вопрос о том, существовал ли балтийско-немецкий ирредентизм и имел ли он перспективы, остается весьма сложным и неоднозначным. Остзейскому краю действительно были присущи некоторые признаки автономии, однако в нем никогда не наблюдалось этнического сепаратизма. Не в последнюю очередь это было связано со сложностями самоидентификации балтийско-немецкого сообщества. Несмотря на то, что уже к началу XX в. балтийцы ощущали себя скорее национальным меньшинством, чем сословно-элитной группой, традиционная корпоративность и династическая лояльность по-прежнему являлись определяющими факторами групповой идентичности. В ходе правительственных мероприятий по русификации балтийских губерний тяготение к Германии действительно возросло, однако оно носило скорее духовно-культурный характер. Усиление настроений, которые можно условно характеризовать как ирредентистские, в сознании консервативной части остзейцев стало своего рода травматической реакцией на некоторые элементы русификаторской политики власти. На практике они, несмотря на декларативные заявления, продолжали придерживаться идеи балтийской автономии, имплицитно подразумевавшей сохранение существовавших порядков.

Остается вопрос: даже если бы данный ирредентизм смог оформиться как политическая доктрина, был ли шанс реализовать ее в текущих исторических условиях? И да и нет. В ходе консультаций со своими балтийскими конфидентами во время революции 1905–1907 гг. германская сторона, с рядом оговорок, рассматривала вариант вхождения балтийских губерний в состав Германской

империи (Андреева 2008: 87–97). Тем не менее даже при вероятной реализации этого сценария Берлин столкнулся бы с теми же сложностями, что и Петербург, а именно – с правовыми барьерами, запутанной административной системой и выраженным региональным своеобразием края. Неслучайно стартовавшая в Германии в 1939 г. программа «Обратно в рейх» помимо прочего преследовала цель сгладить культурные различия между «имперскими немцами» и представителями немецкой диаспоры Восточной Европы. В этом смысле показательно, что балтийско-немецкий вопрос в итоге был решен за счет демографического, а не территориального подхода.

Литература

- Андреева, Н. С.** 2008. *Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века*. СПб.: Мирь.
2015. В борьбе с «русской угрозой»: остзейская эмиграция в период Первой мировой войны. *Вестник СПбГУ. Серия «История»* 4: 100–112.
- Беляев, П. И.** 1898. Общеимперский закон и местные остзейские узаконения. *Журнал Министерства юстиции* 9: 121–167.
- Горизонтов, Л. Е.** 2001. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия. В: Ананьич, Б. В., Барзилов, С. И. (ред.), *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности* (с. 129–150). М.: Московский общественный научный фонд.
- Долбилов, М. Д.** 2010. *Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II*. М.: Новое литературное обозрение.
- Куплетский, М. А.** 1885. *Судьбы государственного языка в Прибалтийском крае*. М.: Университетская типография.
- Машкин, М. Н.** 2007. Бисмарк и «остзейский вопрос» в России. В: Туполев, Б. М. (ред.), *Россия и Германия*. Вып. 4 (с. 74–83). М.: Наука.
- Миллер, А. И.** 2008. *Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования*. М.: Новое литературное обозрение.
- Назарова, Е. Л.** 2005. Русский язык как инструмент русификации/обрусения Остзейского края в политике властей и представлениях общест-венности Российской империи: XIX век. *Исторический путь литовской письменности: сб. материалов конференции* (с. 260–290). Вильнюс: Изд-во Ин-та литовского языка.

Православие и лютеранство в Прибалтийском крае по новейшим данным русской периодической печати. СПб.: Б. и., 1911.

Энгель-Брауншмидт, А. 2011. Прибалтийские немцы о себе и о других. В: Киселева, Л., Степанищева, Т. (ред.), *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XII. Мифология культурного пространства* (с. 318–336). Tartu: Tartu University Press.

Boehm, M. H. 1915. *Die Krisis des deutschbaltischen Menschen*. Berlin: Grenzboten.

Engelhardt, A. von. 1916. *Die deutschen Ostseeprovinzen Russlands, ihre politische und wirtschaftliche Entwicklung*. München: Müller.

Jahresbericht über den Bestand und die Thätigkeit des Gymnasiums Kaiser Alexanders II. zu Birkenruh bei Wenden im Schuljahre. 1885/86. 1886. Riga: Buchdruckerei von W. F. Häcker.

Manteuffel, K. von. 1942. *Meine Siedlungsarbeit in Kurland*. Leipzig: Hirzel.

Rauch, G. von. 1970. *Geschichte der baltischen Staaten*. Stuttgart: Kohlhammer.

Seraphim, A. E. W. 1908. *Baltische Geschichte im Grundriss*. Reval: Kluge.

Wittram, R.
1939. *Geschichte der baltischen Deutschen. Grundzüge und Durchblicke*. Stuttgart u. Berlin: Verlag von W. Kohlhammer.

1973. *Baltische Geschichte. Die Ostseelände Livland, Estland, Kurland 1180–1918*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.